

...На самом деле, всё было под контролем.

С тех пор как Цзян Цань, сняв рубашку на берегу, чтобы пощупать рифы, а затем одним ударом разбив кокос, попал в тренды, съемочная группа специально прислала людей. Они установили десятки камер по всему побережью, не оставив ни одного «слепого» пятна.

Камеры установили днем, а уже вечером это стало настоящим подарком для всех любителей сплетен: можно было в триста шестьдесят пять градусов, с любого расстояния наблюдать, насколько преданной была поза Харди и насколько искренним — его выражение лица.

— Аха-ха-ха-ха-ха, боже мой, его реально развели как лоха.

— А он не свалится оттуда?

— Я пришел посмотреть на того светловолосого парня, который разбивает кокосы одним ударом, но это что... жертвоприношение?

— Эй, тот, что выше, подожди, я тоже думал, что он сейчас упадет.

Зрители с энтузиазмом потешались добрых десять минут.

В конце концов, глядя на те самые руки — уже слегка дрожащие, но всё еще упрямо поднятые вверх, — Цзян Цань молча уткнулся лицом в кусты, думая про себя, что если бы знал заранее, то поделился бы с Харди кокосом.

Ему ведь правда очень хотелось есть.

Очередная тихая ночь подошла к концу, и вместе с солнцем над островом поднялся дым костра.

Кокосовая скорлупа висела над огнем, а внутри бурлил кокосовый сок, в котором варились лобстеры. Еда Цзян Цаня была подвешена на ветке, а сам он в это время неподалеку рыл яму под деревом.

Да, именно рыл яму.

За несколько коротких дней Цзян Цань обзавелся достаточным количеством еды, безопасным жильем и всевозможной утварью — кокосовыми скорлупками, из которых он выпил сок. С его способностями он был просто обязан обзавестись собственным бассейном.

В нем можно было бы и пить, и освежиться, и постирать одежду.

Поначалу Цзян Цань хотел найти готовую реку, но, обыскав весь остров, не нашел ничего, кроме росы на ветках. Однако в процессе поиска он заметил, что в этой части леса, похоже, давно никто не бывал: под ногами было мягко, слой за слоем лежала листва, влажная и блестящая от воды.

На необитаемом острове дожди шли нечасто, значит, вода должна была быть под землей. И действительно, выбрав самое низкое место, Цзян Цань с силой вонзил туда ракушку, и наружу показалась влажная почва.

Еще пара движений — и проступила вода, образовав небольшую лужицу.

Ракушку держать было неудобно. Цзян Цань стряхнул грязь с пальцев, поискал вокруг, нашел подходящий камень, отломил ветку, перевязал всё это лианой — и получилась примитивная мотыга.

Он попробовал взмахнуть ею пару раз. Весьма неплохо, тем более что почва здесь была размягчена водой и копалась легко. Цзян Цань, работая, думал, что было бы здорово, если бы земля дома была такой же податливой.

В отличие от физики, в подобной работе Цзян Цань был куда опытнее. С самого детства он любил возиться с растениями, и когда жил дома, едва ли не весь участок перекопал.

Поработав некоторое время, Цзян Цань прищурился. На кончике носа выступили капельки пота, а уголки глаз и щеки порозовели от здорового румянца. Ему стало некомфортно: хоть рукава толстовки и были закатаны, ткань всё равно тянула плечи, мешая двигаться, да и жарко было.

Цзян Цань отложил инструмент и просто снял кофту, повесив её на дерево.

В отличие от того ночного случая, сейчас, при дневном свете, камера могла отчетливо запечатлеть каждое его движение. Юноша был высоким и стройным, но плечи его не были такими широкими, как у взрослого мужчины, и на первый взгляд казались даже хрупкими.

Однако после того, как он снял верх, стало ясно, что он вовсе не слаб: напротив, его спину покрывал тонкий слой мышц, а четкие, невычурные линии тела были полны красоты и силы. В каждом его жесте не было ни капли позерства — только сосредоточенность, с которой он раз за разом вонзал мотыгу в землю.

Камера стояла не близко, закрепленная на ветке сверху, поэтому с её ракурса была видна лишь спина Цзян Цаня, согнутая в пояснице, словно натянутый лук.

Чат на мгновение замер.

— Ах, этот мужчина, обливающийся потом... Спасибо, я просто обожаю главных героев из историй про фермерство.

— ...Камере минус балл!

— Никто не заметил, какой он белый? Реально, такой белый-белый!

— Луч света в темном царстве, господи, его мотыга прямо в моё сердце копает.

После того как он попал в тренды, поток зрителей хлынул рекой, и к этому моменту количество просмотров на трансляции Цзян Цаня практически сравнялось с показателями Чэнь Цзэ.

Цзян Цань не знал, что за объективом наблюдают тысячи людей, — все его мысли были заняты бассейном.

Освободившись от одежды, он стал двигаться еще быстрее и увереннее. Земля летела во все стороны, и всего за один вечер прообраз личного бассейна был готов.

Размером он был примерно с две ванны, вода в нем была холодной, словно из самых недр земли. Поначалу она была мутной, но пока он обедал, ил осел, и вода стала прозрачной.

Дождавшись, пока она отстоится, Цзян Цань выложил края травой, немного подумал и соорудил простенький каркас, прикрыв всё это лианами.

Закончив, Цзян Цань сел скрестив ноги у погасшего костра, сделал пару глотков кокосового сока и принялся наслаждаться плодами своего труда — купаться.

Цзян Цань поливал себя водой и думал, что, в сущности, жить здесь на пенсии было бы совсем неплохо. Конечно, если бы рядом был Пэй Юймо.

Он бы своими руками создал для него прекрасный дом. Днем он бы работал в саду и собирал фрукты, а Пэй Юймо в это время искал бы на берегу ракушки. А когда Пэй Юймо возвращался, они бы вместе плавали в море, а потом отдыхали в уютном маленьком домике.

Разумеется, в тот момент он бы не халтурил, а по-настоящему срубил бы деревья и построил дом. Деревья рубить тяжело, и когда он возвращался бы с грудой бревен, Пэй Юймо с жалостью брал бы его руки в свои и хвалил за усердие.

Картина в воображении была слишком прекрасной, и Цзян Цань слегка улыбнулся, откидывая мокрые волосы со лба, и шагнул в сторону.

Не успел он пройти и двух шагов, как почувствовал под ногой что-то мягкое и живое. Раздался громкий визг, и нечто тут же вцепилось зубами в его ботинок.

Цзян Цань опустил взгляд. Черный, как смоль, комок с примесью белой шерсти.

Что это? Почему у этой облезлой лисицы нет ушей?

Пока он пребывал в замешательстве, маленький неудачник, на которого он наступил, молча поднял голову, и в крошечных глазках вспыхнул огонек упорства.

За десятки тысяч километров от необитаемого острова, в высотном офисном здании, тишину нарушил настойчивый стук в дверь.

Пэй Юймо:

— Входите.

Секретарь Шэнь говорил с тяжелым выражением лица:

— Господин Пэй, у господина Линя десять минут назад случился приступ аппендицита, его уже увезли в больницу.

Речь шла о Линь Цзяне, одном из тех, кто стоял у истоков компании вместе с Пэй Юймо. Линь Цзян в последние годы работал как проклятый, не жалея сил, — иногда Пэй Юймо уже уходил домой, а свет в кабинете Линя всё еще горел. Было неудивительно, что он подорвал здоровье.

Но секретарь Шэнь пришел явно не только из-за этого.

И точно, не дожидаясь вопроса Пэй Юймо, секретарь продолжил:

— Сделка по покупке Юньхэ Энтертейнмент согласована, контракт должны были подписать сегодня в пять вечера.

Пэй Юймо взглянул на часы: было уже четыре тридцать.

В обычное время Пэй Юймо отвечал за стратегические решения, а Линь Цзян, обладавший даром убеждения, — за налаживание и укрепление связей с партнерами, важнейшей частью чего было подписание контрактов.

Пэй Юймо быстро разложил документы по времени и встал, снимая с вешалки пальто.

— Больше никого нет?

Секретарь Шэнь:

— У всех свои дела.

Пэй Юймо кивнул:

— Тогда поехали, успеем.

Даже зная, что его друг болен, а ему самому предстоит решать срочный вопрос, с которым он еще не сталкивался, Пэй Юймо не выказал ни капли волнения. Он оставался таким же холодным и отстраненным, быстро и четко приводя всё в порядок.

Секретарь Шэнь семенил следом, чтобы открыть дверь машины. В какой-то момент ему показалось, что господин Пэй сейчас — точь-в-точь как прежде, до встречи с Цзян Цанем. Вроде бы всё так, а вроде бы и нет.

Ведь еще несколько дней назад секретарь видел, как Пэй Юймо прыгал от злости из-за Цзян Цаня, чернел лицом, скрежетал зубами и дергался от ярости. Хотя это были не самые приятные эмоции, он выглядел куда более живым.

Казалось, Цзян Цань, отправившись на это шоу, забрал с собой ту искру жизни, которая с таким трудом разгоралась в господине Пэе. Тот снова превратился в стоячее болото, в которое хоть камни кидай — ни звука.

Пэй Юймо протянул руку, прерывая сумбурные мысли секретаря:

— Документы.

Секретарь поспешно передал их. Глядя в зеркало заднего вида на бледное лицо и равнодушный взгляд Пэй Юймо, он невольно тяжело вздохнул.

Видимо, канарейки — и правда отличная вещь, неудивительно, что у каждого влиятельного босса они есть.

Местом встречи был Небесный сад — один из самых роскошных ресторанов в Цзинду, известный своими видами на ночной город и неоновыми огнями. Но Пэй Юймо и его сопровождающим было явно не до любования красотами — даже несмотря на спешку, до назначенного времени оставалось всего несколько минут.

Мужчина средних лет в кабинке расплылся в радушной улыбке и уже готов был выпалить приветствие, обращаясь к господину Линю.

Секретарь Шэнь представил:

— Господин Линь неважно себя чувствует. Это наш господин Пэй из Корпорации Пэй. Господин Пэй, это генеральный директор Юньхэ Энтертейнмент, директор Ху.

Директор Ху, увидев Пэй Юймо, замер, а услышав представление, замер еще раз.

Человек перед ним был безупречен: черные как смоль волосы и брови, мертвенно-бледная кожа. Несмотря на то что погода теплела, он всё еще кутался в костюм, излучая болезненную отстраненность и холод. Директор Ху сначала принял его за какую-нибудь молодую звездочку, пришедшую засветиться, но, присмотревшись, понял, что его аура ничуть не уступает господину Цзяну, которого он встречал на днях.

Оба они были старыми лисами, и в голове директора Ху промелькнула мысль, что он еще ни разу не сталкивался с главой Дома Пэй.

Пэй Юймо не был силен в светских беседах и не умел говорить красивые слова, но дела пошли на удивление гладко. Собеседник был чрезмерно любезен, и если подписание контракта растянулось на два часа, то лишь потому, что директор Ху был невероятно разговорчив.

Он был полон любопытства к Пэй Юймо и, боясь упустить шанс, жаждал наладить контакт здесь и сейчас.

Директор Ху с жаром произнес:

— ...Господин Пэй, кстати, у нас в компании недавно взошла новая звезда. Шоу, которое никто не смотрел, вдруг выстрелило в тренды.

Он с энтузиазмом открыл телефон, чтобы показать Пэй Юймо. Тот опустил глаза. Он как раз раздумывал, как бы вежливо откланяться, но решил взглянуть. Тег был странным: Неожданное появление медоеда на необитаемом острове.

— Спать не боится, а купаться боится?

— Почему такой недотрога? Медоед, кусай его!

— Погодите, разве медоеды не живут в пустыне? Как он там оказался?

— О боже, хочу его!

Экран был забит непонятными комментариями. Пэй Юймо вежливо просмотрел их и уже собирался показать, что закончил, как вдруг нахмурился.

— Погодите.

На его холодном лице промелькнуло странное недоумение, которое тут же исчезло, но в этот момент он стал выглядеть куда живее — словно нарисованный персонаж, которому вдохнули жизнь.

Директор Ху от неожиданности вздрогнул и замер.

Пэй Юймо казалось, что фигура под слоями комментариев выглядит слишком знакомой. Он неумело закрыл чат и увидел, как человек бежит, едва ли не оставляя за собой шлейф, а за ним гонится медведь.

Пэй Юймо:

— ...

Если бы не этот совершенно особенный цвет волос, Пэй Юймо ни за что не узнал бы в этой восходящей звезде Цзян Цаня.

Директор Ху был удивлен внезапным интересом Пэй Юймо. Он и подумать не мог, что господин Пэй, который выглядел таким отстраненным, на самом деле так заботится об их компании.

Он осторожно забрал телефон и, листая, добавил:

— Не беспокойтесь, у меня есть еще прошлый тренд, он тоже был в топе.

Пэй Юймо взял телефон и увидел снова Цзян Цаня. Под странную, милую музыку он с выражением лица «сдохни, сволочь» разбивал камнем огромный кокос.

Пэй Юймо:

—

Цзян Цань, находясь на острове, понятия не имел, что его подвиги стали темой для обсуждения между его боссом и его «драгоценной принцессой».

У него были дела поважнее. Поскольку он никогда не держал животных, он не понимал: другие звери тоже такие упрямые?

Он наступил на него — ну так пусть позволит наступить в ответ! Одного раза мало — можно и несколько. Почему эта тварь так визжит и кусается, да еще и не разжимает челюсти?

Он чуть ботинок не прогрыз, но не отпускал.

Цзян Цань присел на корточки, потыкал пальцем в пушистую макушку и попытался договориться:

— Я дам тебе фруктов, ты можешь меня отпустить?

У медоеда был сухой нос — видимо, он тоже хотел пить и пришел на запах воды. Дать еды и разойтись миром — отличный вариант.

Медоед издал шипящий звук. Он явно почуял сладость фруктов и даже пустил слюни, но разжимать зубы не собирался.

Цзян Цань поднял ногу. На вид медоед был как мягкая игрушка, но весил немало. Отцепить его не получалось, и Цзян Цань махнул рукой.

И теперь он таскал на ноге «живой аксессуар».

Цзян Цань разделяет краба — тот висит. Цзян Цань открывает кокос — тот висит. Цзян Цань лезет на дерево — тот висит... И не шевелится, единственным доказательством жизни была слюна, непрерывно капающая с морды.

На следующее утро, когда Цзян Цань потянулся и открыл глаза, он первым делом встретился взглядом с этим комком шерсти.

Ага, всё еще висит на ноге.

Цзян Цань присмотрелся: малыш закрыл глаза, но всё еще сжимал зубами ботинок. Уснул.

Какой шанс!

Цзян Цань осторожно ухватился за пасть зверька, легонько разжал её, спрыгнул с дерева и бросился наутек. Медоед мгновенно проснулся, что-то недовольно проворчал и помчался следом с невероятной скоростью.

Цзян Цань отлично бежал — с детства дед гонял его, а в старшей школе он два года тренировался в команде по легкой атлетике и чуть не стал профессиональным спортсменом.

Обладая такими данными, Цзян Цань не воспринимал медоеда, размером чуть больше крысы, всерьез и решил превратить это в утреннюю пробежку вокруг острова.

Приливы и отливы оставляли на берегу морские звезды и моллюсков. Чжоу Хэ, который как раз выковыривал крабов из рифов, услышав шаги, обернулся:

— Ты чего творишь?

Цзян Цань небрежно улыбнулся:

— Занимаюсь спортом.

Чжоу Хэ наблюдал, как Цзян Цань пробежал вокруг острова два или три раза, а следом за ним, перебирая четырьмя лапами так, будто их было восемь, неся медоед.

Пробежав не менее десяти километров, Цзян Цань устал и оглянулся: зверек, отстав метров на десять, тоже выдохся и лежал на песке. Но даже лежа без сил, он продолжал ползти в сторону Цзян Цаня.

Язык высунут, лапки продолжают перебирать. Очень упорный.

Цзян Цань заколебался, но всё же вернулся и подобрал этот комок — если оставить его здесь, он просто сварится на солнце.

Он вздохнул:

— Ладно, назову тебя Упорный, или просто Сяо Цян.

В маленьких глазках Сяо Цяна — Медоеда — читались решимость и протест, как будто у него на лбу было написано: «Я с тобой еще посчитаюсь!» Он упрямо высунул мордочку и попытался цапнуть Цзян Цаня за запястье, но получил щелбан по носу и жалобно пискнул.

Цзян Цань принес Сяо Цяна обратно, покормил и напоил. Если тот пытался кусаться, он давал щелбан, и малыш постепенно успокаивался.

Он погладил медоеда — шерсть была жестковатой, но в целом мягкой. Гладил-гладил и заметил, что на шее у него что-то привязано. Цзян Цань присмотрелся — это была крошечная скрытая камера.

— Другие участники выживают, а этот парень живет в свое удовольствие: бассейн построил, питомца завел.

— Медоед! Брат, что с тобой? Соберись!

— Он такой счастливый...

— Посмотрите на Харди, ха-ха, он снова стоит под кокосовой пальмой и бормочет заклинания, он что, Гарри Поттера не смотрел? У них же фамилии одинаковые!

— А Цзоу Юэюэ по соседству всё время плачет, но уходить не хочет, Чжоу Хэ уже на грани.

Читая комментарии один за другим, режиссер был приятно удивлен. На мгновение ему даже показалось, что за спиной Цзян Цаня светится нимб.

Эффект от программы был потрясающим! Это был только первый выпуск, а популярность уже взлетела до небес. Если так пойдет дальше, шоу точно станет хитом!

Съемочная группа объявила финальное испытание в последний день. Громкий голос из рупора разнесся по всему острову:

— Внимание, потерпевшие кораблекрушение! Поздравляем всех, кто благополучно пережил эту неделю. Спасательное судно прибыло к юго-восточной части острова. Тот, кто первым доберется до корабля, получит похвалу капитана и награду.

По правилам шоу, приз получал только первый, но так как никто не выбыл, было очевидно, что награда — это сто тысяч юаней.

Как только объявление прозвучало, Цзян Цань вскочил, схватил Сяо Цяна, который всё еще грыз фрукт, и бросился бежать.

Ветер свистел в ушах, медоед едва мог открыть глаза. Цзян Цань с такой скоростью перепрыгивал через лианы, что Пэй Сань и Пэй Сы, бежавшие следом с веревками, едва поспевали за ним.

Цзян Цань давно изучил весь остров. Победа была близка, и эти сто тысяч он собирался забрать любой ценой.

Но в разгар бега, за поворотом, он увидел человека, лежащего прямо посреди тропы. Цзян Цань едва успел затормозить, чтобы не наступить на него, и в испуге выкрикнул:

— Твою мать!

Человек на земле, увидев его, закрыл лицо руками, но Цзян Цань узнал его по фигуре, которая выглядела так, будто вот-вот рассыплется. Это был Чэнь Цзэ.

Он уже не походил на ту лошеную звезду, что была неделю назад. Прическа растрепана, белая рубашка в грязи и сухих листьях, кожа грязная, на руках — царапины. Его вид был жалок.

Цзян Цань:

— Чего ты тут разлегся? Не слышал объявление?

Чэнь Цзэ прошипел:

— Не подходи!

Цзян Цань остановился, недоумевая:

— Да я и не собирался. Ты лежишь посреди дороги и перегородил мне путь.

Он просто проходил мимо и вовсе не хотел мешать Чэнь Цзэ загорать. Бросив «прошу прощения», Цзян Цань шагнул прямо через него. Но не успел он сделать и пары шагов, как Чэнь Цзэ крикнул:

— Почему ты уходишь?!

В его голосе звучало недоверие.

Цзян Цань:

— ...О боже, спасите меня.

Никто не предупреждал его, что сегодня эта тропа «непроходная». Цзян Цань торопился на финиш за призом и начал терять терпение:

— Чего ты хочешь? Не хочешь участвовать — не мешай другим.

Не успел он договорить, как Чэнь Цзэ разрыдался:

— Ты на меня кричишь!

Цзян Цань:

— ...

Он правда не ожидал такого поворота, но больше всего на свете боялся чужих слез. Чэнь Цзэ всхлипнул еще пару раз, закусил губу, и слезы градом потекли по его щекам.

Почему-то этот образ наложился на воспоминание о ком-то другом. Цзян Цань нахмурился и всё же присел рядом:

— Ты ногу подвернул?

Чэнь Цзэ ответил сдавленным голосом:

— Я... я не знаю...

Он был страшно обижен. Получив уведомление от режиссеров, он поначалу шел с Харди. Но тот двигался быстро и вскоре побежал. Чэнь Цзэ занервничал и припустил следом. Харди привык к таким нагрузкам, а у Чэнь Цзэ, кроме съемок, максимум активности — спуск за посылкой. В спешке он не уследил за дорогой и упал.

Харди, увидев это, лишь произнес что-то высокопарное — мол, заберет победу за них обоих — и, не оглядываясь, убежал.

Вспоминая это, Чэнь Цзэ чувствовал себя униженным. Он сам настоял на участии, сам выбрал команду, а в итоге — никакой выгоды, да еще и насмешки всей страны.

Пока Чэнь Цзэ погрузился в свои печали, Цзян Цань, осматривая его травму, невольно вспомнил встречу с маленькой русалочкой много лет назад.

В голове словно пронеслась искра, обрывки воспоминаний смешались и сложились в картину тихой, прекрасной ночи. Ему было семь или восемь лет, энергии — хоть отбавляй. Домашние уснули, и Цзян Цань тайком выбрался из комнаты, чтобы перелезть через забор. Не помнит, зачем — то ли за бездомным котом, то ли за чучелом, — но перепутал направление.

Упав, он встретил свою маленькую принцессу. Пэй Юймо был совсем крохотным, в белом платьице, и сидел в углу, плача.

А, это был угол? Или берег моря?

Перед глазами возникла бликующая водная гладь, но тут же растаяла. Странные видения рассыпались и собрались заново. События десятилетней давности — неудивительно, что он не помнил деталей.

В любом случае, тогда он ужасно испугался, волосы на голове зашевелились. Еще бы — в темном углу, а кожа Пэй Юймо была белее платя, жутковато. Он уже собирался уходить, как увидел красные от слез глаза маленькой принцессы. Если бы это был обычный шумный ребенок, Цзян Цань прошел бы мимо, но этот... он кусал губы, и слезы, словно кристаллы, катились по щекам.

Чем больше он думал, тем сильнее болела голова. Он чувствовал, что что-то не так, но не мог ухватить суть, слушая лишь вой Чэнь Цзэ, который повторял слово «больно» уже восьмисотый раз.

Цзян Цань беспомощно спросил:

— Почему у тебя болит везде, куда бы я ни ткнул?

Чэнь Цзэ тихо ответил:

— Просто больно...

Его щеки, грязные от слез, выглядели жалко, и он спросил:

— Я умру?

Цзян Цань подумал, что Чэнь Цзэ — это что-то с чем-то:

— Ты биологию в школе прогуливал? У тебя просто вывих, не умрешь.

Чэнь Цзэ не понимал, какая связь между биологией и вывихом. Он чувствовал, как боль накатывает волнами, словно иглы колют. Цзян Цань нащупал место вывиха и, твердо ухватившись за ногу, спросил, как будто между делом:

— Кстати, какая у тебя карта роли?

Чэнь Цзэ, не понимая к чему это, ответил:

— Эльф... А-а-а!

Раздался едва слышный щелчок. Цзян Цань вытер руки о кожу Сяо Цяна, который сидел рядом:

— Вправил.

Он улыбнулся:

— Ну вот, чего ты боялся? Эльфы не умирают.

Чэнь Цзэ пошевелил лодыжкой и смолчал.

Чертовщина. Он вдруг подумал, что Цзян Цань — такой крутой. Его улыбка — крутая, взгляд с легким пренебрежением — крутой, даже его руки с четкими суставами — крутые. Место, которого коснулись эти руки, начало нагреваться, и тепло поползло вверх, к самым ушам.

В этот момент из рупоров прогремел голос:

— Внимание! Найдена характеристика карты роли Эльфа: Бессмертие. Возможно использование бесконечного количества лекарств.

Неподалеку Харди, перелезавший через скалы, споткнулся, лишь сейчас осознав, что Цзян Цань его одурачил.

С самого начала это было лишь первое оповещение о жетонах.

А он, идиот, целых несколько дней подряд ходил проверять ту кокосовую пальму!

Взгляд Харди помрачнел. Он с силой раздавил ногой гусеницу у края камня и прошипел: Цзян Цань, мы так это не оставим!

Закончив с костью, Цзян Цань отряхнул руки и собрался уходить.

Чэнь Цзэ, пребывавший в легком замешательстве, машинально ухватился за штанину Цзян Цаня, но тут же испуганно отдернул руку, когда сидевший рядом медоед угрожающе зашипел на него.

Уцепившись за ветку дерева, Чэнь Цзэ набрался храбрости:

— Т-ты... не мог бы ты подождать меня?

Он до сих пор ходил нетвердо, и было очевидно, что станет обузой.

Но под тем взглядом красных глаз... даже несмотря на то, что Чэнь Цзэ лишь отдаленно напоминал Пэй Юймо, Цзян Цань не смог отказать.

В конце концов, почему бы и не взять его с собой?

В этом лесу полно всяких насекомых, да и змеи наверняка водятся.

Чэнь Цзэ такой неженка, что от простого вывиха ноги уже готов был прощаться с жизнью. Если оставить его одного в лесу, он, чего доброго, от встречи со змеей умрет от страха.

Ладно, видимо, у меня такая судьба — вечно всем помогать.

Заметив, что выражение лица Цзян Цаня немного смягчилось, Чэнь Цзэ шмыгнул носом, подошел и протянул руку:

— Цзян... Цзян...

Раздался визг.

Чэнь Цзэ ожидал, что Цзян Цань поддержит его под локоть или предложит залезть на спину.

Вместо этого его просто взвалили на плечо.

Так, как обычно носят мешок с картошкой.

Цзян Цань даже не придерживал его за ноги.

Чэнь Цзэ в ужасе закричал:

— Я же упаду!

— Не упадешь, — отрезал Цзян Цань. — Но если продолжишь дергаться, я тебя сброшу.

Слева Чэнь Цзэ, справа медоед.

Такой груз ничуть не замедлил Цзян Цаня, и всего через несколько минут они нагнали Харди, шедшего впереди.

Цзян Цань бежал быстро и не обратил внимания, но Чэнь Цзэ заметил, что Харди что-то выкрикивал, судя по движению губ.

Выглядел он крайне разъяренным.

Затем Чэнь Цзэ увидел стоящий неподалеку корабль, и его охватило странное чувство.

Словно он только что пережил ужасный кошмар, но кто-то ласково разбудил его.

Цзян Цань не бросил его, они доберутся до финиша вместе.

...До финиша они не дошли.

Когда до спасательного судна оставалось всего несколько метров и Чэнь Цзэ уже был готов прослезиться от избытка чувств, мир снова перевернулся.

Цзян Цань опустил Чэнь Цзэ на землю с той же грацией, с какой грузчик сваливает товар в порту:

— Всё, дальше иди сам.

Сказав это, он вытащил из кармана медоеда, который висел там длинной вялой колбаской, вцепившись зубами в ткань, и поставил зверя рядом с Чэнь Цзэ.

Чэнь Цзэ растерянно спросил:

— Что случилось?

Цзян Цань посмотрел на него с нескрываемым изумлением:

— Ты что, не знал, что за первое место полагается денежный приз?

Чэнь Цзэ, в глазах которого всё еще стояли слезы умиления, застыл.

<http://bllate.org/book/21476/2197574>